

Прошлое, настоящее, надежда (интервью с Полом Хорвичем)

Лев Ламберов – Для начала, не могли бы Вы рассказать, как вы начали заниматься философией – когда Вы решили стать профессиональным философом, когда Вы решили работать в университетах, учить студентов? Что быть «стартовой точкой» Вашей философской карьеры? Я прочел некоторые работы А. Шопенгауэра, когда мне было 13-14 лет, и тогда я решил заняться философией, а не теоретической физикой. А Вы?

Пол Хорвич – Будучи подростком (я тогда жил в Манчестере, Англия) я был очарован наукой. К несчастью для моих родителей, я проводил свои химические эксперименты прямо дома. Я хотел стать ученым. Приблизительно в 15 лет я «открыл» для себя философию науки, прочел пару книг и даже написал эссе (оно, кстати, выиграло приз в одном конкурсе). Но фактически мои занятия в школе и университете ограничивались физикой и математикой. Мои занятия философией были ни чем иным как простыми беседами в пабе с моими друзьями о «значении» теории относительности и квантовой механики. Тем не менее, мое желание серьезно заниматься такими проблемами неуклонно возрастало. Я мог бы сказать, что философия «подошла» мне – что у меня была естественная склонность к философии. Поэтому я решил, что попытаюсь получить степень Ph. D. в области философии физики. Также я решил, что хочу немного посмотреть мир, поэтому я подал документы в аспирантуру университетов США и был принят на физический факультет в Йеле.

Л. Л. – Где Вы учились? Какой была «атмосфера» вокруг на Вашем факультете и вообще в философии, когда Вы учились? Кто были Вашими учителями и Вашими «высокими идеалами»? Чьи лекции Вы все еще помните и почему?

П. Х. – По моему приезду в Йель, я узнал, что первые два года моего обучения должны быть посвящены дальнейшему изучению физики. Но я с нетерпением желал вступить на мой новый академический путь. Поэтому, как только это стало возможно, я перешел на философский факультет. Однако почти все там специализировались на экзистенциализме, феноменологии или истории – совсем не на том, что я искал. К счастью, один из философов из моего оксфордского колледжа

был с лекциями в Корнельском университете, и он посодействовал моему переводу туда. Так – начиная с сентября 1969 года – я был полностью готов к тому, чтобы заниматься тем, чего я так пламенно желал.

Атмосфера в Корнеле была освежающей и неформальной (полностью в соответствии с «радикальной» эмоциональностью, длинными волосами, музыкой, марихуаной и вьетнамскими протестами). Но, в то же время, мы все были чрезвычайно увлечены нашей работой. Мне требовалось пройти курсы по широкому ряду философских проблем, и я был более чем счастлив это сделать. Я с огромным удовольствием вспоминаю мои семинары по Витгенштейну с Норманном Малкольмом, по Карнапу с Джевроном Кимом, по Серлю с Китом Доннеланом, по Ансельму с Норманном Крецманом, по этике с Майклом Стокером, по Канту с Аланом Вудом, по относительности и квантовой механике с Артуром Файном и по временной логике с Гансом Кампом. Я легко преуспевал. У меня было чувство, будто я нашел свое «ремесло». И в 1973 году я начал работать ассистентом профессора по философии в Массачусетском технологическом институте, в котором я проработал 22 года.

Л. Л. – Какой была Ваша первая публикация по философии? Что Вы думаете о ней сейчас? Каковы были Ваши научные интересы? Изменились ли они и почему?

П. Х. – Моя первая публикация – «О вычислении полезности действий» – была написана мною для семинара по этике еще в моем первом семестре в Корнеле. В этой статье рассматриваются отношения между двумя формами «утилитаризма». Моя вторая публикация – «Формализация ‘Ничто’» – также была написана для одного из занятий в Корнеле. Ее цель – показать, как некоторые метафизические тезисы Св. Ансельма могут быть схвачены при помощи логической системы Лесьневского. Эти работы напоминают мне о том, насколько я был увлечен *всей* философией вообще. Хотя мои основные интересы в то время лежали в рамках философии науки, я всегда чувствовал, что бессмысленно специализироваться внутри философии, что все сферы и проблемы философии холистически взаимосвязаны.

Моя работа на соискание Ph. D. (1975) касалась метрики и топологии времени, в течении следующих нескольких лет я написал ряд статей на связанные с этим темы. Затем я обратился к методологии науки. Я увлекся бейесианской точкой зрения, с которой я подошел к своей первой книге – «Вероятность и основание» (1987). После этого я обратился к философии физики и написал книгу «Асимметрии времени»

(1987). Значение «истины» было одной из тех проблем, с которыми я боролся в связи с целью научного теоретизирования. Но когда я сфокусировался на этой проблеме, моя работа быстро перестала касаться только науки, а я обнаружил, что целиком поглощен проблемами эпистемологии, метафизики и философии языка. Вопреки многим обещаниям, данным самому себе, у меня так и не находилось время на то, чтобы снова обратиться к проблемам методологии науки и асимметрии времени, которые занимали меня 20 лет назад. Но я все еще надеюсь однажды сделать это.

Л. Л. – Кто из Ваших друзей студенческих лет стали профессиональными философами, сделали философскую карьеру? Работаете ли Вы с ними сейчас?

П. Х. – Приблизительно через одну или две недели после приезда в Оксфорд, я подружился с Майклом Уильямсоном. В отличие от меня, он был студентом философии. Мы – и остальная наша «банда» Брасеноу колледжа – могли бы всю ночь простоять, доказывая друг другу любое положение, которое только можно было себе вообразить. После окончания университета Майкл по началу остался в Оксфорде, но со временем перешел в аспирантуру в Принстон, а сейчас является выдающимся профессором университета Джона Хопкинса. Его работы – в основном в области эпистемологии – великолепны и очень важны. Все эти годы мы были близкими друзьями (я прихожусь крестным отцом его сыну Полу) и мы часто обсуждаем наши идеи и проекты друг с другом.

Л. Л. – Пожалуйста, расскажите подробнее, как Ваши интересы изменились от философии науки и асимметрии времени к теориям истины, значения и референции. Каковы причины этого изменения?

П. Х. – С того момента, как я впервые познакомился с философией, меня заинтересовали все ее проблемы. Меня привлекла общая природа философских проблем и исследований. Однако хотя я изучал физику, и вполне естественно было начать с философии науки, я всегда чувствовал, что мне хотелось бы когда-нибудь попытаться сделать что-то серьезное в центральных областях философии. И в самом деле, если бы у меня было достаточно времени, я пошел бы еще дальше – в эстетику, политическую философию и т. д. Это все взаимосвязано и очень меня пленяет.

Случилось так, что мостом для меня послужило понятие истины. Мой интерес в философии науки естественным образом включал в себя

следующие вопросы: «Нацелены ли ученые на те теории, которые являются истинными?», «Должны ли они стремиться к таким теориям?», «Что это означает для теории – быть истинной?». Но последний из этих вопросов превосходит рамки науки, так как мы обладаем (или же нам кажется, что мы обладаем) истиной в этике, арифметике, эстетическом суждении и т. д. В то время (конец 70-ых, начало 80-ых) наиболее популярными объяснениями понятия истины были корреспондентная теория (модернизированная путем объединения концепции А. Тарского с инспирированной С. Крипке каузальной теорией референции) и верификационная теория (выдвинутая М. Даммитом и Х. Патнэмом). Но я пришел к мысли, что так называемая «теория избыточности» является более перспективной, чем корреспондентная теория или верификационная. Я называю эту теорию «более перспективной», а не «правдоподобной», так как она (в том виде, как она сформулирована у Г. Фреге, Ф. Рамсея, А. Айера и П. Стросона) так же должна была противостоять очень серьезным возражениям. Однако, ее простота и «дефляционный» характер привлекли меня. Поэтому я решил сформулировать удовлетворительную версию этой теории, которую можно было бы защищать – так появился минимализм.

Одна из основных проблем состояла в том, что все подобные теории объясняют истину через понятие значения, что противоречит широко распространенному допущению о том, что значения предложений должны объясняться через условия истинности. Но я решил, что для верного разрешения этого противоречия мы должны отбросить не дефляционный взгляд на истину, а условие-истинностную точку зрения на значение. В таком случае некоторые альтернативные теории значения должны были бы получить некоторую поддержку; и (под влиянием Л. Витгенштейна) меня привлекла идея о том, что значение слова рождается тем способом, каким мы это слово употребляем. Я потратил большую часть последних пятнадцати лет в попытке разработать эту идею, мои размышления отражены в книгах «Значение» (1998) и «Размышления о значении» (2005).

Л. Л. – Как Вы пришли к минимализму? Каковы были Ваши интуиции по поводу понятия истины до минимализма? Пожалуйста, поясните кратко суть минимализма относительно истины, значения и референции.

П. Х. – Как я только что указал, мой путь к минимализму включал в себя (1) неудовлетворение тем, что считалось в то время лучшими вариантами теории истины, (2) тяготение к теории избыточности. Но эта

теория также находилась под угрозой различных возражений. Некоторые из них я считал корректными, но я обнаружил, что эта теория может быть модифицирована без потери простоты так, чтобы они ей больше не угрожали. Например, утверждать, что «Истинно, что p » и « p » выражают в точности одну и ту же пропозицию, проблематично и не является необходимым в отличие от того, чтобы говорить, что пропозиции, которые они выражают, просто эквивалентны. Другие возражения (например, предполагаемая невозможность объединения этой теории и теории значения) казались мне некорректными. Но требовалась работа, чтобы это продемонстрировать.

Суть минимализма относительно истины состоит в том, что истинностный предикат получает свое значение *не* благодаря некоторому *эксплицитному* определению (в терминах корреспонденции, когеренции, вероятности, полезности, консенсуса и т. д.), но (имплицитно) из того факта, что наша склонность принимать подстановочные случаи схемы « $\langle p \rangle$ истинно $\leftrightarrow p$ » полностью объясняет употребление этого слова. Это также предполагает (а) идею о том, что выражение «истинно относительно» имплицитно определяется схемой « $\langle f \rangle$ истинно относительно $x \leftrightarrow f(x)$ », и (b) «указывает» («refers») имплицитно определяется схемой « $\langle n \rangle$ указывает на $x \leftrightarrow n=x$ ».

Я *не* рассматриваю свою теорию значения в качестве «минимальной», так как я полагаю, что свойства-значения (такие как « w означает СОБАКА») являются субстантивными, натуралистическими и каузально действенными – редуцируемыми к несемантическим свойствам-употреблениям.

Л. Л. – Почему Вы используете пропозиции (настолько странные абстрактные объекты) в качестве носителей истинности?

П. Х. – Моя цель – описать наше *действительное* понятие истины. И в действительности мы применяем слово «истинно» *не* к шумам или значкам, которые производят люди, *не* к ментальным состояниям, но скорее к тому, что выражается этими вещами – например, что собаки лают, что врать нехорошо и т. д. И техническое название таких сущностей (референтов что-клауз) – «пропозиции». Я считаю их не более странными, чем другие абстрактные объекты, такие как числа, свойства и типы слов.

Л. Л. – Минимализм с пропозициями в качестве носителей истинности не является номиналистской теорией. Что Вы думаете об «онтологических обязательствах» минимализма?

П. Х. – Аксиомы минимальной теории являются бикондиционалами. Например, «*Россия большая*» истинно \leftrightarrow *Россия большая*. Далее, из этого не следует, что Россия существует, из этого не следует существование пропозиции «Россия большая». Фактически, эта аксиома не обладает *какими-либо* онтологическими последствиями. То же справедливо и в отношении других аксиом.

Л. Л. – Что Вы думаете о «дефляционизме» (используя термин Дж. Кетэнда) Х. Филда в отношении математики (я имею в виду его работу «Наука без чисел»)?

П. Х. – Я не симпатизирую взгляду Х. Филда на арифметику. Во-первых, я не вижу какого-либо законного основания для его сомнения в обыкновенной эпистемической практике – которая должна рассматривать разные области рассуждения как управляющиеся в каком-то смысле разными эпистемологическими нормами. Поэтому тот факт, что не может существовать каузальной или контрфактической связи между нашими арифметическими убеждениями и фактами арифметики не позволяет, я убежден, говорить о невозможности того, что такие убеждения квалифицируются как знание. Этот вид «каузального» требования вполне может применяться в *эмпирической* области, но, по моему мнению, его нельзя законно экстраполировать на все другие области. Во-вторых, я убежден, что «фикшнализм» Х. Филда непоследователен. Я не думаю, что можно сделать то, что он рекомендует – а именно, что мы употребляем арифметические предложения (и публично, и мысленно) *как будто* мы часто убеждены в том, что они выражают, но, фактически, не имеем этих убеждений (дальнейшие комментарии можно найти в моей статье «Природа и нормы теоретического обязательства»).

Л. Л. – С. Шапиро и Дж. Кетлэнд выдвинули интересный аргумент против дефляционизма. Опасен ли этот аргумент для минимализма?

П. Х. – Я не думаю, что хорошая теория истины должна быть консервативной; и поэтому я не считаю, что неконсервативность минимализма является основанием для того, чтобы его отвергать. Минимализм, конечно, не предполагает, что содержание всякого предложения, включающего в себя истинностный предикат, может быть выражено при помощи предложения, которое не содержало бы ни истинностного предиката, ни каких-либо других семантических терминов. Наоборот, одна из центральных идей заключается в том, что

«истинно» не может быть определено *эксплицитно* (ни атомистично, ни контекстуально).

Л. Л. – Мы часто касались в нашем разговоре Ваших работ по философии науки. Пожалуйста, представьте кратко Вашу концепцию философии науки и Ваши взгляды на асимметрию времени.

П. Х. – Я сказал бы, что такой предмет как «философия науки» определяется рядом проблем, с которыми мы сталкиваемся при объяснении наиболее фундаментальных понятий, используемых в наших же попытках прояснить цели и методологию науки – таких понятий как основание, наблюдение, теория, причина, объяснение, закон, предсказание, пространство, время и т. д. Мне кажется, что мы не должны заниматься поиском какой-либо грандиозной унифицированной теории философии науки. Скорее же, к указанным проблемам следует обращаться по очереди (конечно, необходимо некоторое внимание к отношениям между этими проблемами).

Моими основными работами в этой области стали книги «Вероятность и основание» (1982) и «Асимметрии во времени» (1987).

В первой работе моя цель состояла в том, чтобы развернуть понятие вероятности для того, чтобы прояснить и объяснить критерии теоретического одобрения в науке (например, тот факт, что теория подтверждается точными предсказаниями, но она *особенно хорошо* подтверждается в том случае, когда эти предсказания весьма *неожиданны*). Это было одно из наиболее ранних исследований байесовской эпистемологии.

После этого я вернулся к теме моей Ph.D. диссертации – природе времени. Я сосредоточил свое внимание на разнообразных глубоких различиях между прошлым и будущим – таких как тот факт, что наши действия вызывают последующие события, но не предшествуют им, и что мы стремимся знать о прошлом больше, чем о будущем. Моей целью было объяснить эти феномены (вместе с другими подобными асимметриями) и решить вопрос о том, должны ли мы заключить, что время, по своей своей природе, асимметрично.

Л. Л. – Вопрос от моего коллеги, Евгения Ежова. Декан Философского факультета Уральского государственного университета Александр Перцев на странице www.percev.ru/forum.htm отвечает на «философские вопросы», например: «В чем смысл жизни?». Ответы ориентированы скорее на широкую общественность, чем на студентов или коллег-философов.

Если бы Вы были деканом философского факультета и Вам бы пришлось в популярной форме представлять философские достижения перед обществом, на какие «философские вопросы» Вы бы ответили и как?

П. Х. – Когда меня спрашивают: «Ты философ, так в чем смысл жизни?». Все, что я могу ответить ограничивается тем, что, насколько я вижу, этот вопрос может быть понят двумя способами.

Либо он предполагает, что мы были созданы для некоторой цели, и необходимо называть, в чем эта цель состоит. Но на этот вопрос мой ответ заключается в том, что сам я не уверен в том, существует ли (или существовал ли ранее) создатель. И, если бы даже он существовал, я понятия не имею, для чего он создал жизнь.

С другой стороны, этот вопрос можно понимать как вопрошание относительно каждой отдельной личности о том, что принимается ей в качестве смысла ее жизни – например, каковы ее основные цели. Но в этом смысле не существует такой вещи как *один определенный* смысл жизни. Скорее всего, жизнь каждой личности обладает своим собственным смыслом, который определяется индивидуальными стремлениями этой личности.

Я понимаю, что это не такой уж и хороший ответ. Никто не удовлетворится таким ответом! Но это лучшее, что я могу сделать.

Какую прибыль приносит философия обществу? Замечательный вопрос и опять же очень сложный.

Если наше понимание «прибыли» ограничено вещами типа лекарства от рака, изобретением мобильного телефона, предотвращением глобального потепления и установлением справедливых обществ, то боюсь философия не дает никакой прибыли. Верно, что новые науки (могущие дать нам разные полезные вещи) иногда вырастают из философских размышлений; но я убежден, что это случается лишь в тех случаях, когда эти самые размышления не являются в первую очередь чисто философскими (например, априорными).

Ценность философии можно понять, как мне кажется, только тогда, когда мы готовы видеть ценность в чистом рассуждении, в знании ради него самого. Философия может разрешить путаницу и ликвидировать сложность. Конечно, величайшая прибыль достается тем немногим из нас, кто тратит время на рассмотрение философских проблем. Другие люди могут получить прибыль лишь от удовлетворения, которое они способны приобрести от членства в обществе, в котором эти вопросы уважаются. Это скорее похоже на современную серьезную музыку – которая, сходным же образом, оценивается лишь малым числом

людей; остальные из нас могут получать удовольствие от того, что являются частью богатой и утонченной культуры, которая уважает и поддерживает эту музыку.

На какие философские вопросы я хотел бы ответить? Думаю, на все! Я зачарован всеми традиционными проблемами: проблемой соотношения сознания и тела, проблемой свободной воли и детерминизма, проблемой значения термина «должен», проблемой объективности эстетического суждения и т. д. Хотелось бы, чтобы времени было больше!

Л. Л. – Есть еще некоторые «метафилософские» (и «метаисторические») вопросы – о природе философии и о философских движениях. Итак, чем для Вас является философия? Что такое аналитическая философия? Что Вы думаете о будущем философии вообще и аналитической философии в частности?

П. Х. – На мою концепцию философии сильно повлиял Витгенштейн. Я склонен – как и он – полагать, что философские проблемы имеют своим источником путаницу (скорее путаницу, чем невежество), что они должны быть разрешены при помощи определения и удаления соответствующих замешательств (а не при помощи прямых ответов), и что в числе достижений философии могут быть только демистификация, прояснение и отсутствие сложности (а не глубокое теоретическое знание).

Я не думаю, что «аналитическая философия» может быть определена при помощи некоторого списка характерных методов и допущений. Действительно, большинство аналитических философов специально занимаются прояснением понятий, имеют дело с точными аргументами, резко отделяют философию от социологии, литературы, психологии, политики и теологии. Но эти особенности не схватывают сущности аналитической философии. Следует добавить, я полагаю, один важный социологический факт – грубо говоря, быть аналитическим философом означает ассоциировать себя с развивающимся интеллектуальным движением, которое включает в себя Фреге, Рассела, Мура, Витгенштейна, Карнапа, Куайна и Даммита, принимать их вопросы и их ответы всерьез, быть частью продолжающегося обсуждения, затеянного ими.

Что касается будущего философии, то мне хотелось бы быть более оптимистичным нежели я есть на самом деле. В Соединенных Штатах я наблюдаю возрастающее число молодых специалистов и студентов, которые отвернулись от великих традиционных проблем и сфокусировали свое внимание на технических вопросах на периферии

философии (или даже за ее пределами), на специальных проблемах формальной семантики, философии физики, нейронауки, теории решений и т. д. Я несколько опасюсь того, что если этот процесс продолжится, философские факультеты станут объединениями индивидов, каждый из которых мог бы легко работать на каком-либо другом факультете (например, факультете лингвистики, физическом факультете, факультете когнитивной науки и т. д.), и которые не смогли бы общаться друг с другом. В этом случае администрации наших университетов вполне будут в праве поднять вопрос относительно *raison d'etre* философских факультетов. Конечно, может быть и так, что эти страхи безосновательны. Я надеюсь на это. Я надеюсь, что то, что я наблюдаю, является лишь уходящей в прошлое причудой, а не долговременной тенденцией.